

ЗАБЫТЬ ВОЙНУ?

Никогда бы не подумал, что наш прославленный актер, народный артист СССР Владимир Этуш воевал. Трудно себе представить с оружием в руках человека, сыгравшего запоминающиеся роли в популярных фильмах «Кавказская пленница», «12 стульев», «Иван Васильевич меняет профессию», «Приключения Буратино», «Неисправимый лгун» и десятках других кинокартинах, а также на театральной сцене. Он ушел на войну осенью 1941 года, хотя мог остаться в тылу. Не остался, потому что понял, его место в строю, среди тех, кто защищает Родину на полях сражений. Сегодня мы представляем воспоминания Владимира Абрамовича о той страшной и кровопролитной войне. Он рассказывает о ней без прикрас, без пафоса, только о том, что ему запомнилось, запало в душу.

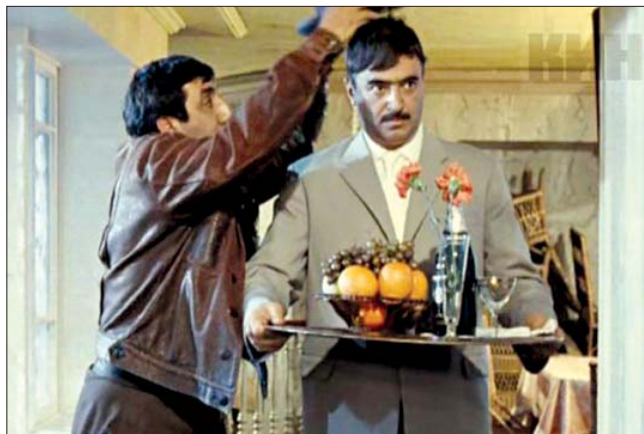

Я не знаю, как говорить о войне, чтобы это было понятно всем. Наверное, понять войну можно только на уровне чувств. Великая Отечественная — это событие, в которое была вовлечена вся страна, каждый наш человек. Эта часть истории, она настолько пронзительна, что ее невозможно преподнести как-то иначе, кроме как с великим трепетом, с великой болью. И со своей стороны, я не понимаю людей, пытающихся что-то «переосмыслить», поумничать на эту тему.

Что такое война для меня? Представьте: я совсем юный актер, мне 18 лет. Я эдакий баловень судьбы, предвоенный год для меня складывается прекрасно: чудесный вахтанговский театр, выда-

ющиеся коллеги-актеры, любовные похождения, ночные гулянки...

И вот война, начало которой помню в мельчайших деталях. 22 июня 1941-го года в пятом часу утра я возвращался по пустынной Москве домой с очередной вечеринки. Спустился по улице Горького на Манежную площадь и вдруг увидел огромный черный автомобиль посольства Германии, который несся со стороны Кремля. До сих пор помню флажок со свастикой, трепетавший на ветру. Я, по своей мальчишеской наивности, не придал этому эпизоду значения. Уже позже понял, что стал невольным свидетелем проезда немецкого посла фон Шуленбурга, который минутами ранее вручил Молотову меморандум об объявлении войны Советскому Союзу.

Только в районе обеда того же дня узнал о бомбежках Киева и Минска и о том, что прежняя, мирная, жизнь завершилась. Что ощутил я поначалу? Жуткий, колотящий страх, который до сих пор чувствую буквально кожей. Этот ужас прошел быстро: начались военные будни, которые для меня выражались в тушении «зажигалок» на крыше Щукинского училища и рытье противотанковых рвов.

На оборонные работы меня вместе с другими студентами отправили спустя неделю после начала войны. Рыли окопы и эскарпы под Вязьмой. Уже там я понял, что тревожное время всегда показывает каждого человека в его истинном облике: среди нас, земляных рабочих, были настоящие трудяги и патриоты, а были и симулянты, лодыри, плуты...

В конце сентября 1941-го мы играли в театре спектакль на военную тему — «Фельдмаршал Кутузов». В зале присутствовало всего 13 зрителей! Хорошо помню свое шоковое состояние. Я вдруг осознал, что в такой трагический для страны период людям не до театра. И на следующий день в военкомате записался добровольцем на фронт.

Я немного знал немецкий, поэтому первые четыре месяца службы провел в школе военных переводчиков в городе Ставрополе-на-Волге. Ныне такого населенного пункта нет, он затоплен после сооружения Куйбышевской ГЭС. По распределению я попал в Северо-Кавказский военный округ. Настоящая война началась для меня именно с этого момента.

Мое лейтенантское звание поспособствовало тому, что из переводчика я преобразился в заместителя начальника отдела разведки 70-го укрепрайона, оборонявшего Ростов. Через месяц после моего прибытия в часть немцы прорвали Воронежский фронт: наши войска стремительно отступали на Кавказ, и все разом хлынули через единственный мост в районе Аксая. Комендантом этого моста назначили именно меня.

Эта летняя переправа 1942 года до сих пор стоит перед глазами. Нескончаемый поток войск, текущий через узенькую тропку моста, и постоянные бомбежки. Немец, разумеется, был осведомлен о стратегическом значении переправы и не давал нам расслабиться ни на сутки. Я все время находился на самом мосту, регулируя движение колонн, и, как выяснилось, это было самое безопасное место!

Наша зенитная охрана не давала фашистской авиации снижаться для прицельного бомбометания, поэтому взрывы гремели где угодно, но в мост немцы так и не попали.

Потом были бои за Аксай, в ходе которых я получил первые фронтовые навыки. А затем — наше долгое и тяжелое отступление через Кавказский хребет. Днем жара, ночью — жуткий холод, а обмундирование к таким походам не приспособлено. С едой в горах было тоже неважно, поэтому голод в том переходе стал обычным делом. Люди слабели, засыпали на ходу, иногда срывались в пропасть — особенно по ночам, когда километрами приходилось передвигаться по «карнизам» вдоль отвесных скал.

Вообще, прошло много лет, но до сих пор помнится одно главное, тягостное ощущение от войны — это нестерпимая, свинцовая, постоянная усталость. Мы никогда не бывали сытыми и никогда не бывали выспавшимися. И временами все — и командиры, и бойцы — от утомления просто валялись с ног.

Вспоминаю один характерный случай, врезавшийся в память. Это был 1943 год, зима. Я на тот момент являлся помощником начальника штаба полка по разведке в Закавказском округе. После Сталинграда немцы стали отходить с Кавказа, поскольку боялись попасть в котел, как армия Паулюса. Наши войска перешли в наступление, выдавливали немцев от Грозного, но продвижение было тяжелым. Целыми днями шли серьезные бои. Я участвовал в допросе пленного гитлеровца, и это продолжалось невероятно долго — до глубокого вечера. После его окончания еще час провел в штабе, а затем навалилась такая усталость, что, выйдя на морозный воздух, я хотел только одного — где-нибудь поспать. Зашел в соседнюю избу в нашем лагере и обомлел: в жарко натопленном помещении спали немецкие пленные вперемешку с нашими командирами! На железной кровати храпели двое немцев, у них в ногах поперек кровати спал наш начальник химслужбы, на полу рядом, ничком — начальник полковой разведки, а на его, простите, ягодицах покоилась голова еще одного пленного гитлеровца, тоже спящего. Картину довершал караульный, который дремал, сидя на табуретке и прислонив автомат к одному из спящих немцев... Словно и не было войны, врагов и противников. Спали вповалку измученные, смертельно усталые люди.

Мои лучшие дни на войне – если вообще можно так говорить – связаны с 581-м стрелковым полком и его командиром Андреем Николаевичем Семеновым. Его полк на всем фронте – единственный, который обычно именовали не по номеру, а по фамилии командира: Семеновский полк. Семенова обожали все: штабные офицеры, солдаты, командиры смежных подразделений. Профессиональный военный, стрелевик, Семенов привлекал не только необыкновенным умом и боевой выучкой, но и отношением к подчиненным. В полку он знал всех, регулярно общался с рядовыми бойцами, вникал во все вопросы. С офицерами вел себя как старший товарищ, с бойцами – как родной отец. С Семеновским полком я прошел фронтовой путь от Осетии и Кабарды до Азова.

Позже выяснил, что Семенов – болгарский иммигрант, революционер, приговоренный к смерти на родине и нашедший пристанище в Советской России. Его настоящее имя – Янко Митев. С ним мы сдружились и даже встречались после войны в Болгарии. Он рассказывал, как в 1937 году в Москве его арестовали, обвиняли в шпионаже, проводили изнурительные многочасовые допросы. Какое-то время он провел в тюрьме. Самое интересное, что Митев-Семенов, несмотря на все притеснения и арест, остался убежденным сталинистом. Объяснить это с точки зрения логики невозможно. Наверное, надо жить в то время, чтобы понять...

На войне время сжимается, иногда кажется, что за сутки ты прожил целую жизнь. Поэтому есть вещи, которые уже стерлись из памяти, а есть то, что я не смогу забыть никогда. Боев было много, и мне, лейтенанту, приходилось и бежать с винтовкой в руках, и командовать пулеметным расчетом, и лежать в обороне в цепи солдат. Однажды в такой цепи мой сосед, один из бойцов нашего полка, получил ранение в легкое, у него начался пневмоторакс, он задыхался. Необходимо было его приподнять, чтобы облегчить страдания. Я попытался это сделать, и вдруг его голова упала мне на грудь. Другая пуля, предназначенная мне, угодила в него. Как мне это забыть?

Под Запорожьем в 1943-м война для меня закончилась. Я получил тяжелое ранение. Это случилось сразу после награждения орденом Красной Звезды. Мы ждали сигнала к наступлению, сидели в окопах. Выбрали время затишья для вручения наград солдатам и офицерам, приехал комдив. Я, как назло, на построении не присутствовал – отлучился... А когда вернулся, немцы начали такой бой, каких до того момента я не припомню: все перед нами взрывалось и сверкало, как салют. Нужно было менять позиции, и мы побежали. Вдруг командир полка на бегу сует мне коробочку: «Этуш, заberi свой орден! Черт знает, может, тебя убьют, а может, меня убьют!..»

Мы окопались и не могли сдвинуться с места 13 дней: немец стрелял беспрестанно. Нам ежедневно поступали приказы идти в атаку, но поднять бойцов под шквальным огнем не удавалось. На 13-е сутки сидеть в неглубоком окопчике стало невыносимо. С благословения комбата мне удалось поднять людей: пробежали метров 200 под огнем и опять залегли – вроде чуть продвинулись... Я вернулся в окоп к командиру, бой вроде окончился. Когда выходишь из атаки невредимым, теряешь бдительность. Я собрался на обед, встал в рост и... повернулся спиной к передовой. Перед тем как потерять сознание, услышал характерный звук «лопанья» разрывных пуль рядом с собой. А затем, когда очнулся, ощутил адскую боль внизу спины.

Потом было четыре госпиталя, полгода лечения. Выяснилось, что у меня разбиты кости таза. Меня комиссовали и дали вторую группу инвалидности. Восстанавливался уже в Москве. А в 1944-м, в старенькой шинельке и с палочкой, я появился на пороге родного Щукинского училища. Меня ждали новые роли...

День Победы я отмечаю всегда, иногда вместе с собственным Днем рождения. Может ли этот праздник потерять для меня свою ценность? Могу ли я забыть войну? Свою жизнь от жизни страны мне не отделить. И, слава Богу, что так.

Из наградного листа

«В боях за социалистическую Родину против немецких оккупантов показал себя смелым и решительным командиром. В наступательных боях, в районе Моспино 07.09.1943 г., командованием полка, тов. Этуш был послан на помощь в батальон, имевший сложную обстановку в выполнении поставленной боевой задачи, тов. Этуш бесстрашно не щадя своей жизни воодушевляя бойцов, смело повёл роту на врага, при чём своим умелым манёвром выбил противника из района Городок, при этом уничтожил 30 солдат и офицеров, захватил ручной пулемёт. Тов. Этуш, работая начальником штаба по тылу на всём протяжении наступательных боёв, обеспечил нормальную работу тыла и его передвижения. Бесперебойно доставлял боевым подразделениям продовольствие и боеприпасы. Хорошо обеспечил приём и эвакуацию раненых. 15.09.1943 г., наступая на районный центр Куйбышево, лично с группой бойцов первым ворвался в село и в уличных боях уничтожил 8 солдат и офицеров противника».